

© 1993 г. БИРНБАУМ Х.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ВНЕШНЕГО СРАВНЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Впечатляющие, хотя и противоречивые, достижения ностратической теории с момента появления в 60-е годы работ В.М. Иллич-Свитыча и А. Долгопольского, ознаменовавших ее рождение (сам термин "ностратический", с несколько иным значением, был предложен Х. Педерсеном в начале нашего столетия)¹, и возобновившиеся жаркие споры о происхождении и, в особенности, о прародине и древнейших миграциях индоевропейцев² (эти споры основаны на определенных теоретических и методологических предпосылках) дали новый импульс дискуссии о теории и методе лингвистической реконструкции и классификации языков. Настоящая работа, хотя и упоминает о некоторых из важнейших достижений в этой области и о продолжающихся дискуссиях, посвящена именно теоретическим и методологическим вопросам, связанным с проблемой ностратического праязыка (праностратического) и ностратической макросемьи, а также с возможностью обнаружения синхронных состояний и диахронических изменений языков в отдаленном прошлом³.

На основе доступных и тщательно проверенных данных представляется все более оправданным постулировать общую языковую основу для таких на первый взгляд различных языковых семей, как индоевропейская, картвельская, алтайская, уральская, дравидийская, афразийская и, возможно, для некоторых других языковых групп, так что некогда существовавший вполне однородный допраязык, обозначаемый термином "ностратический", не является более предметом чисто спекулятивных рассуждений⁴. Однако из этого следует, что каждый язык-потомок, принадлежащий к названным выше хорошо

¹ К обзору современного положения дел см. в особенности [1]. Более раннее убедительное обоснование теории содержится в [2]. Очерк сравнительной ностратической грамматики подготавливается в настоящее время А.Б. Долгопольским; для ознакомления с предварительной версией фрагмент этого большого труда см. работу [3], посвященную личным местонахождениям в ностратических языках.

² К недавней дискуссии см., например [4]. См., кроме того, статьи Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова, И.М. Дьяконова и М. Гимбутас в 13 томе (№ 1/2) "Journal of the Indo-European studies" за 1985 г. Принципиально иной подход и иная точка зрения представлены в работе [5]. Отметим также работу А.П. Шмида и Й. Удольфа о древней европейской гидронимии (зафиксированной в основном на территории распространения балтийских и, возможно, славянских языков), содержащую аналогичные выводы, хотя и основанные на совершенно иных данных. О формальных и содержательных соотношениях между понятиями "индоевропейский" и "древнеевропейский" (последнее — в лингвистическом, а не в археологическом смысле слова) см., в частности [6]. О "европейском" компоненте индоевропейцев и проблеме доиндоевропейского субстрата в Европе ср. также [7, особенно с. 17—24]. Много споров вызвала опубликованная недавно книга Ренфрю "Загадка происхождения индоевропейцев" [8]. См., в частности, критические замечания под рубрикой "Археология и язык" в 25 т. журнала "Current anthropology" за 1988 г. (в том числе краткий очерк и реплика автора). См. также обзор М. Гимбутас в TLS 24—30 за 1988 г. (с. 714).

³ Попытка реконструировать значительную часть гипотетического праностратического языка представлена в недавних работах А.Р. Бомхарда [9]. Критику работы [9] см. в [10] и [11].

⁴ О понятии "допраязыков" (preprotolanguages) и их значении для ностратического см. [12, 13].

установленным языковым семьям, имеет не только свою собственную историю развития, но и предысторию, — эволюционный путь, предшествующий их формированию как таковых, — которая, как можно предположить, восходит к их общему ностратическому источнику. Дело в том, что традиционно постулируемые языковые семьи не могли, разумеется, возникнуть ex nihilo; их нельзя также относить к моменту зарождения человеческой речи. Поскольку автор данной статьи может оперировать материалом лишь тех языков, которые принадлежат к индоевропейской семье, нижеследующие соображения и предположения будут применимы в первую очередь к индоевропейскому и использоваться будет материал этой языковой семьи. Однако в принципе многое из того, что будет сказано об индоевропейском и его предыстории — или, скорее, о способах и методах, с помощью которых по крайней мере некоторый фрагмент протоиндоевропейской языковой структуры и предшествовавшее ей состояние поддаются реконструкции, — может оказаться релевантным также применительно и к прочим генетически родственным языковым семьям, которые в отдаленном прошлом были распространены на европейском континенте и в Северной Африке, к языковым семьям, которые (это в настоящий момент представляется вполне вероятным) могут рассматриваться как находящиеся в отдаленном родстве с индоевропейской. В сущности вполне правдоподобно даже предположение, согласно которому языки коренного населения Америки, т.е. те, которые объединяются в эскимосско-алеутскую, на-дене и, в особенности, америндскую семьи, также происходят из Евразии.

Для дискуссии об отдаленном генетическом родстве решающее значение имеет осознание того факта, что языковая эволюция в пространстве и времени может осуществляться в двух принципиально различных направлениях — в дивергентном и конвергентном. Хотя данная идея, конечно, не нова, необходимо помнить о том, что эти две модели языковой эволюции почти никогда не встречаются в чистом виде. В действительности чаще всего можно наблюдать синхронное взаимодействие дивергентных и конвергентных изменений, определяющих переход от одного языкового состояния к другому, или же две противоположные эволюционные тенденции чередуются, быстро сменяя друг друга, так что предположение о существовании длительных периодов безраздельного господства однонаправленных процессов языковой перестройки было бы неправдоподобным. Из этого следует, что классическая модель (правильнее было бы охарактеризовать ее как научную метафору) родословного дерева (Stammbaum), предложенная более столетия назад для того, чтобы схематически изобразить эволюцию родственных языков, а именно — языков, принадлежащих к различным группам и подгруппам индоевропейской семьи, в наше время должна быть признана неадекватной, так как в действительности сколько-нибудь значительные периоды прямолинейной филогенетической языковой эволюции, по-видимому, не засвидетельствованы и не могут быть зафиксированы с помощью различных методов реконструкции⁵. То же справедливо и в отношении другой метафоры, призванной заменить первую, устранив неадекватность теории родословного дерева. Речь идет о волновой теории (Wellen). Хотя в некоторых отношениях она, возможно, является более реалистичной (так как по крайней мере пытается отразить пространственное измерение языковых изменений и проводит различие между центром и периферией), эта теория также исходит из гипотезы о том, что эволюция предполагает главным образом дивергенцию и все большую дифференциацию. Таким

⁵ Мои соображения о дивергенции и конвергенции в языковой эволюции изложены также в [14, 15].

образом, все инновационные изменения рассматриваются при таком подходе как возникающие в центре и распространяющиеся на периферию, но не наоборот. В связи с этим такая модель оставляет без внимания другое важное эволюционное направление языковых изменений, результатом которого является конвергенция и интеграция. Наконец, даже более сложная модель, которая комбинировала бы два образа — ветвящегося ствола дерева (что отражало бы изменения во времени) и постоянно расширяющихся кругов в форме волн (что представляло бы изменения в пространстве), — не могла бы удовлетворительным образом отразить (хотя бы упрощенно) сложности и противоречия языковой эволюции в том виде, в котором она существовала и существует на протяжении столетий и тысячелетий.

Столь же важным является само по себе и понимание принципиального различия между генетическим родством, с одной стороны, и типологической близостью языков, с другой. Мое мнение (которое я излагал по различным поводам несколько детальнее) таково: основная сфера установления генетического родства — это план выражения языка, представленный различными уровнями его звукового аспекта, от конкретного поверхностно-фонетического до весьма абстрактного уровня репрезентации, традиционно называемого морфонологией. Иными словами, учитывая, что сопоставляемые данные содержат в первую очередь морфемы и целые лексические единицы с тождественными или подвергшимися достаточно прозрачным семантическим сдвигам значениями, именно тождественность звукового состава или, помимо этого, легко идентифицируемые звуковые соответствия (отражающие достоверно установленные и объяснимые сами по себе звуковые изменения) позволяют интерпретировать исследуемые формы как, принадлежащие генетически родственным языкам. Напротив, элементом лингвистической структуры, имеющим первостепенное значение для типологии и для возможности установления типологической близости, является семантическая — или, шире, семиотическая — структура и ее формальное выражение в морфосинтаксисе языка. Иначе говоря, именно значимые единицы, их функциональные структуры и образующиеся в результате их соединения комбинации определяют типологическую характеристику того или иного языка и позволяют сравнивать и противопоставлять его другим лингвистическим типам, сходным или отличным. Разумеется, это не означает, что фонологическая структура языка не может быть подвергнута типологическому анализу. Однако фонетическая схема данного языка сама по себе не столь же важна для типологического сопоставления с другими языками, как семиотическая и грамматическая структуры.

В этом контексте я хотел бы также вернуться к своему высказанному в другом месте утверждению о том, что в терминах иерархического представления типологическая классификация языков должна рассматриваться как главенствующая по отношению к генетической, если учесть, что, с некоторыми оговорками, всякая семья родственных языков может также классифицироваться в типологических терминах и фактически образует лингвистический тип (в широком понимании), в то время как обратное не всегда верно. Ибо, конечно же, не все языки, обнаруживающие ту или иную степень типологической близости, характеризуются в то же время достоверно установленным генетическим родством — близким или отдаленным. В связи с этим уместно вспомнить удачную формулировку Э. Бенвениста [16, с. 45—46]: "Всякая генеалогическая классификация, когда она констатирует родство между какими-либо языками и устанавливает степень этого родства, определяет некоторый общий для них тип. Материальное совпадение между формами и элементами форм ведет к выявлению формальной и грамматической структур, присущих языкам

определенной семьи. Отсюда следует, что генеалогическая классификация является в то же время и типологической⁶. Очевидно, оказанное выше применимо также и к индоевропейскому, несмотря на то обстоятельство, что было бы трудно отнести, скажем, современный русский, английский и хинди к одному и тому же языковому типу. Мы действительно можем говорить об индоевропейском языковом типе, подразумевая под этим либо древнейшие из засвидетельствованных членов языковой семьи, либо ее наиболее архаичных представителей, таких, как современный литовский. То, что при построении генетической классификации основное внимание уделяется звуку (и фонетической системе), а при типологической — значению (и его структурным моделям), хорошо согласуется с высказанными в связи с этим соображениями Л. Ельмслева (см. [22, с. 10—31, 68—81, 91—114], где в качестве решающих критериев названы "элементарные функции" и "категориальные функции"), а также с точкой зрения Н.С. Трубецкого, который считал наличие "материальных схождений" (stoffliche Übereinstimmungen) предварительным условием для установления генетического родства языков [23]. Этому лишь на первый взгляд противоречат утверждения самого Ельмслева [22, с. 94] о том, что "генетическая и типологическая близость — это два совершенно различных отношения, никак не связанные друг с другом" и что "внутри одной и той же семьи можно обнаружить языки совершенно разных типов, а к одному и тому же типу могут относиться языки совершенно различных семей". Далее Ельмслев высказывает предположение [22, с. 95], что "итоговая (т.е. типологическая. — Б.Х.) классификация будет идти вразрез с классификацией генетической, никак с ней не соотносясь" и что "генетическая и типологическая близость остаются совершенно различными отношениями". Дело в том, что, если критерии, используемые Ельмслевом для установления этих двух видов близости (или структурных схождений, как я предпочел бы называть типологические сближения), действительно принципиально различны, тот факт, что та или иная языковая семья может оказаться разнородной с типологической точки зрения, является, по крайней мере в синхронной перспективе, следствием игнорирования диахронического аспекта. Именно на этом основании мы можем говорить о древнем (архаичном) индоевропейском языковом типе, а не только об индоевропейской языковой семье, но в то же время вынуждены признать, что современный английский как язык, характеризующийся высокой степенью аналитизма с тенденцией развития в направлении к изолирующему типу (если использовать несколько устаревшую терминологию), с типологической точки зрения может оказаться более близким к классическому китайскому, нежели к флективному типу древних (или архаичных) и.-е. языков [22, с. 91—92, 94]. Кроме того, важным в этом контексте может оказаться не только характер первичных критериев, используемых для типологической классификации, но и их минимальное необходимое количество — проблема, которая в настоящее время представляется столь же неразработанной, как и полстолетия назад. Отдельный вопрос состоит в том, что если ограничиться относительно небольшим числом структурных характеристик, то можно зафиксировать принадлежность к одному и тому же языковому типу совершенно неродственных языков, как это было продемонстрировано Бенвенистом в его знаменитом примере — сопоставлении америндского языка такелма с и.-е. языками [16, с. 92—94: 301, примеч. 9]. Отметим также утверждение Р. Якобсона (высказанное, вообще говоря, по совершенно другому поводу), согласно которому "структурное сходство должно рассматриваться независимо от генетической связи между данными

⁶ К дальнейшей дискуссии по этому поводу см. [17—21].

языками, оно может одинаково распространяться и на языки с общим происхождением, и на языки, имеющие различных предков. Структурное сходство не противопоставляется первоначальному родству, а налагается на него" (выделено мной. — Б.Х.). Бенвенист продолжает эту мысль: "Самое интересное в группировках по родству в том, что они часто объединяют в одном ареале генетически неродственные языки. Таким образом, генетическое родство не препятствует образованию новых группировок по типологическому родству структуры, а образование группировок по типологическому родству не заменяет генетического родства. Важно, однако, отметить, что говорить о различии между общим историческим происхождением (*filiation*) и типологическим родством (*affinité*) можно только на основе наших современных наблюдений. Если же группировка по типологическому родству установилась в доисторический период, то с исторической точки зрения оно покажется нам признаком генетического родства. Здесь еще раз обнаруживается предел возможностей генеалогической классификации" [16, с. 49—50]. Изложенная здесь аргументация имеет далеко идущие следствия и для реконструкции ностратического как вероятного до-праязыка, и для установления состава ностратической макросемьи. Из недавних работ см. также [24]. В другом месте своего очерка "Классификация языков" Бенвенист упомянул "сходство внутри семьи" и "родство через сцепление", хорошо известные ботаникам, и предположил, что "возможно, лишь этот тип классификации является единственно пригодным для больших группировок языков, представляющих ныне предел наших реконструкций" [16, с. 42]. Тут, конечно же, в первую очередь приходит на ум пример с ностратическим.

Другой вопрос, существенный для настоящей дискуссии и требующий дальнейшего исследования, — это проблема различной степени языкового (точнее, генетического) родства. С ней тесно связан вопрос о методах, используемых для установления времени распада предполагаемого праязыка в отдаленном прошлом. Говоря более конкретно, необходимо вернуться к вопросу о жизнеспособности глоттохронологического метода оценки абсолютной хронологии лексических и морфологических изменений. Мне, во всяком случае, представляется сомнительным, что любое допущение относительно декларируемой стабильности существенных языковых изменений (впервые постулированной М. Сводешом) может быть доказано. Иными словами, какая-либо аналогия с радиоуглеродным анализом, используемым для подтверждения определяемых величин, должна квалифицироваться как иллюзорная⁷. Это, однако, не означает, что усовершенствованный метод оценочной глоттохронологической датировки не может применяться, хотя даже улучшенный так называемый этимостатистический метод, разработанный С. Старостиным, не является, с моей точки зрения, вполне удовлетворительным. В этом контексте я хотел бы, кроме того, отметить, что лично я весьма скептически отношусь к квантитативным методам, применимым только к лексическим данным, извлеченным из отдельных текстов и служащим для определения даты появления отдельных языков или языковых групп и для идентификации соответствующих прародин, как это предлагал В. Манчак⁸.

Другой методологический вопрос, существенный для проблемы разграничения генетического родства и типологической близости языков, — это

⁷ Подробнее о моем скептицизме относительно традиционной глоттохронологии и лексикостатистики см. замечания в [12, с. 17—18] со ссылками на работы В. Лемана, Р. Анттилы и И. Дейен. О новом лексикостатистическом методе (использовавшемся для решения вопроса о генетической близости славянских языков) см. [25]. О критике (традиционной) глоттохронологии см. также [26].

⁸ В дополнение к уже цитировавшейся работе [5] ср., например [27—30].

вопрос о различных методах лингвистического сравнения. Хорошо известно, что методики, используемые, с одной стороны, для сравнения языков с целью установления общего предка двух или более языков и, с другой стороны, для идентификации структурного сходства, не связанного с происхождением от общего праязыка, обнаруживают некоторые общие моменты. В целом можно, вероятно, утверждать, что отправным пунктом сравнительного метода в традиционном смысле этого слова послужила фонетическая система и морфологическая структура рассматриваемых языков — синтаксические особенности стали учитываться лишь сравнительно недавно (ср., в частности, описание типов линейного порядка значимых единиц, доминирующих в различных языках, — SVO, SOV и т.д., — впервые проделанное Дж. Гринбергом и затем использовавшееся для праиндоевропейского, в особенности П. Фридрихом [31] и В.П. Леманом [32]). В контрастивной же лингвистике основное внимание уделяется функциональному (и семиотическому) аспекту языка, причем предполагается, что формальное и фонологическое выражение грамматических значений играет решающую роль. Следует, однако, иметь в виду, что гринберговская типология синтаксических порядков (*syntactic-sequential typology*) оказывается в целом менее значимой для языков с развитым словоизменением, чем для тех языков, где синтаксическая функция либо не выражается вовсе, либо менее четко маркируется в словоформе.

Интегральный метод языкового сравнения, в связи с которым в последние годы используется термин "внешнее сравнение языков", применявшийся в первую очередь, к потомкам предполагаемого ностратического праязыка, или, скорее, для идентификации членов ностратической макросемьи, не только сочетает различные техники сравнительного (генетического) метода лингвистической реконструкции, включая внутреннюю реконструкцию (основанную на инхронных данных одного языка) и предположения относительно незасвидетельствованных стадий языковой эволюции, основанные на типологических данных и информации о лингвистических универсалиях с сопоставительными (структурно-типологическими) процедурами, но учитывает и явления, квалифицируемые как субстратные, адстратные и суперстратные, или, точнее, то, что связано с языковыми контактами, лексическими заимствованиями, а также фонологической и грамматической интерференцией ареально близких языков или языковых групп.

При применении упомянутых выше понятий и методов к данным индоевропейского следует отметить, что древнейшие засвидетельствованные памятники — на хеттском и микенском греческом — датируются не ранее II тыс. до н.э. Более того, общепринятой является точка зрения, согласно которой и.-е. праязык существовал в V—IV тыс. до н.э. Таково, в частности, мнение Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова, детально обоснованное в их монументальном труде об индоевропейском и индоевропейцах [33]. Напротив, хотя в упоминавшейся выше весьма противоречивой книге Ренфрю [8] возможной прародиной древнейших индоевропейцев считается приблизительно тот же ареал, что и в работе [33] — центр его локализуется в восточной Анатолии, северной Месопотамии и Закавказье — предполагается значительно более ранний период существования и.-е. праязыка (VII—VI тыс. до н.э.).

Столь же запутанной является, разумеется, проблема локализации и.-е. прародины. В последние годы наиболее вероятной прародиной считались области, прилегающие к Черному морю или располагающиеся недалеко от него. Таким образом, уже упоминавшийся ближневосточный регион оказывается почти точно соответствующим ареалу, часто идентифицируемому как колыбель индоевропейцев. Хорошо известно, однако, что археолог М. Гимбутас в многочисленных публикациях отстаивала совершенно иную

точку зрения. Согласно ее концепции, древнейшие индоевропейцы могут быть идентифицированы с народом курганной культуры, появившимся в середине V тыс. до н.э. в черноморских степях к северу и северо-востоку от Черного моря, быстро распространившимся оттуда в центральную Европу, Карпаты и в бассейн среднего и нижнего Дуная. Точнее, Гимбутас предполагает несколько волн и.-е. вторжений в центральную и юго-восточную Европу за период с 4500 до 3500 гг. до н.э., причем их высокая мобильность должна была быть связана с тем, чем они использовали лошадей. Основные положения концепции Гимбутас были приняты такими видными лингвистами, как В.П. Леман ([33, с. 251]; см. также [35]) и А. Мартине [36, особенно с. 18—20]. Следует, однако, отметить, что понятие возможной вторичной прародины привлекло в последнее время еще больше внимания. Так, ранние и.-е. поселения на Балканах и в прилегающих с севера районах вполне могли бы рассматриваться как такая вторичная прародина ранних индоевропейцев. Аналогичным образом, не исключено, что ареал распространения древней европейской гидронимии на территории расселения балтийских и, отчасти, славянских народов также свидетельствует о ранних миграциях древних индоевропейцев в направлении западных и южных окраин балтийских и соседствующих с ними территорий. Что же касается индоевропеизации Анатолии в целом, здесь мы, возможно, тоже имеем дело с ранними миграциями индоевропейцев с территории их первоначального расселения в западном направлении. Это, по-видимому, подтверждается не только значительным субстратным компонентом в хеттском лингвистическом материале, но и тем фактом, что анатолийские языки представляют весьма архаичную ветвь индоевропейского, а также самой спецификой их лингвистической эволюции. Последнее обстоятельство, вероятно, может действительно сделать более правдоподобной дискредитированную индоевропеизацию Э. Стертеванга (см., например [37]). Однако тот факт, что хеттский является языком *centum*, в то время как лувийский, по-видимому, относится к типу *satem*, может, как указывал Вяч. Вс. Иванов, свидетельствовать о том, что отдельные анатолийские языки следует возводить непосредственно к праиндоевропейскому, т.е. минуя промежуточную протоанатолийскую стадию. Наконец, в этом контексте вопрос о маршруте, по которому греки заселили свой регион на южной оконечности Балканского п-ова и Эгейские острова, остается открытым. Иными словами, вполне вероятно, что они пришли на свою будущую родину с севера, т.е. через Балканы, но точно так же можно предположить, что они попали в свой регион через Анатолию. Очень древние греческие поселения вдоль западного побережья Малой Азии и тот факт, что древнейшие письменные фиксации греческого языка — таблички, записанные линейным письмом В, — обнаружены на Крите и Пелопоннесе, вероятно, могли бы свидетельствовать в пользу гипотезы о таком маршруте миграции. Возможно, однако, что различные этнические группы греков достигли конечной цели своего пути двумя различными способами: один из маршрутов лежал к северу и западу от Черного моря, другой — к югу от него.

Для гипотетической реконструкции начальной стадии эволюции и.-е. праязыка лингвисты до недавнего времени прибегали к двум методам. Первый (и основной) — это метод внутренней реконструкции, при котором лингвистическая модель праиндоевропейского, которая, в свою очередь, восстанавливалась с помощью сравнительного метода, служила синхронным основанием для обнаружения более ранних стадий и, в конечном счете, начальной фазы и.-е. праязыка. Таким образом, в этом случае основная методика должна состоять в экстраполяции на основании морфонологических и, в некоторой степени, других регулярных чередований, фиксируемых для конечной стадии последней фазы и.-е. праязыка, который еще не распался (по

крайней мере, теоретически) на отдельные языки. Другой подход должен был бы основываться на обобщенных предположениях, полученных типологической лингвистикой и теорией языковых универсалий, основанной на этих предположениях. Таким образом, в определенных случаях для упрощенного изложения правомерно постулировать для праиндоевропейского только один ларингал (обычно обозначаемый через *h*). Однако типологические соображения и рассмотрение указанного допущения в свете теории языковых универсалий позволяют квалифицировать как крайне маловероятное предположение о том, что целый класс звуковых сегментов в некоторый период времени был представлен всего одной единицей. Аналогичным образом, хотя именно изменение тембра гласной под влиянием ларингала заставило некоторых ученых постулировать всего одну гласную — *e* — как единственную "протогласную" и.-е. праязыка, кажется неправдоподобным (по системным соображениям), что какой-то язык в некоторый период времени имел всего один вокалический сегмент, репрезентировавший целый класс гласных⁹. В настоящее время если дальнейшее родство между праиндоевропейским и другими языковыми группами Евразии и Северной Африки — теми, которые в настоящее время известны под названием "ностратические", — действительно может быть установлено, возможно использование еще одного, третьего метода реконструкции древнейшей стадии и.-е. праязыка. В этом случае на фонологическую и грамматическую структуру, а также на лексический материал, которые, по нашим предположениям, должны были характеризовать праиндоевропейский (в том виде, в каком он произошел из более раннего, качественно отличного языкового состояния), должны пролить свет данные о членах ностратической макросемьи языков, находящихся с ним в дальнем родстве. Поэтому в некотором смысле это предполагало бы использование "в обратном направлении" приемов и методов внешнего сравнения языков, на основании которого была бы выдвинута гипотеза о дальнем родстве различных групп ностратических языков, с тем чтобы использовать ее в качестве отправной точки. Иначе говоря, как только будет доступен достаточно надежный корпус данных, свидетельствующих о ностратическом до-праязыке, материалы сравнения с некоторыми из групп ностратических языков, помимо индоевропейской, могут быть, в свою очередь, использованы для объяснения фонетической системы, морфосинтаксической структуры и лексики и.-е. праязыка в его древнейшей стадии. Такое применение сравнительного метода к некоторой стадии языковой эволюции в отдаленном прошлом аналогично, таким образом, — разумеется, с некоторыми существенными оговорками — использованию этого же метода для реконструкции начальных стадий прагерманского, пракеельского, праславянского и других языков-предков различных и.-е. групп. Единственным исключением в этом отношении является, возможно, балтийский, так как некоторые различия между отдельными балтийскими языками, а именно, между западнобалтийским (древнепрусским) и восточнобалтийскими (литовским и латышским), могут восходить скорее к общепалеоевропейскому состоянию, нежели к общеполнобалтийским корням. Аналогичным образом, спорным остается вопрос о том, правомерно ли постулировать существование общеполнобалтийского праязыка наравне, скажем, с праславянским и прагерманским. В связи с дальнейшей дискуссией по этому поводу см. [39].

Как отмечалось выше, ни модель родословного древа, ни волновая модель, использовавшиеся для того, чтобы представить наиболее наглядным образом эволюцию родственных языков, не были признаны удовлетворительными

⁹ Более подробно о вкладе типологии в компаративистику см., например [38] и из недавних работ, [39, особенно с. 10—14].

и поэтому дополнялись и, в сущности, в значительной степени вытеснялись другими подходами. В частности, такие понятия, как периферийные vs. центральные инновации и, соответственно, архаизмы добавили новое измерение к нашему пониманию языковых изменений. Столь же важным (или даже еще более существенным) является упоминавшееся выше понимание взаимодействия двух основных направлений в языковой эволюции — дивергенции и конвергенции. Точнее говоря, на всякой эволюционной стадии доминирующей может быть дивергентная или конвергентная тенденция; или же обе тенденции могут взаимодействовать и сосуществовать, обычно воздействуя на различные компоненты языковой структуры.

В связи с проблемой конвергентной языковой эволюции уместно вспомнить, что, как известно, Н.С. Трубецкой в весьма противоречивом сообщении, прочитанном на заседании Пражского лингвистического кружка 14 декабря 1936 г., но опубликованном лишь посмертно, отстаивал концепцию, согласно которой и.-е. языковой тип — а под сомнение ставилось само существование однородного и.-е. праязыка — должен рассматриваться как результат конвергентных языковых эволюций, предшествующих окончательной кристаллизации индоевропейского [40]. По общему признанию, точка зрения, отстаивавшаяся Трубецким, была представлена им несколько односторонне. В связи с тем, что игнорировалась противоположная, дивергентная, эволюционная тенденция, также сыгравшая свою роль при формировании и.-е. праязыка, возможно, что сущность его аргументации часто выпадала из поля зрения ученых, а его идеи подвергались суровой критике без должной оценки. Здесь уместно напомнить высказывание Бенвениста о том, что "генетическая классификация не сводима к типологической, и наоборот" [16, с. 49], что, однако, противоречит его более раннему утверждению: "генетическая классификация является в то же время и типологической" [17, с. 46]. Таким образом, критически оценивая чисто типологическую идентификацию индоевропейского Трубецким (на основе шести отобранных критериев), Бенвенист затем говорит: "Да не будет превратно понята та критика, которая была приведена выше. Она направлена против излишней категоричности некоторых утверждений Трубецкого [sic!], а не против сущности его идей" [16, с. 49]. В связи со статьей Трубецкого уместно указать на комментарии Вяч. Вс. Иванова в [41, с. 413—419]. К упомянутой статье имеет отношение доклад Трубецкого по проблеме взаимосвязей больших языковых семей, представленный на Третьем международном конгрессе лингвистов в 1935 г. [42]; см. также комментарий Вяч. Вс. Иванова в [41, с. 419—420].

В связи с этим следует особо упомянуть о том, что один из великих предшественников современной лингвистики, И.А. Бодуэн де Куртене, рассматривал смешанный характер всех языков главным образом как результат конвергентного развития и языковой интерференции [43]. Для иллюстрации положения смешанных языков и процесса формирования языков, в том числе и праязыков, в результате конвергентного (в дополнение к дивергентному) предшествующего развития интересно процитировать высказывание Бодуэна об армянском, сделанное им в начале нашего столетия [43, с. 365—366]: "Армянский язык причисляется к индоевропейской отрасли языков, и действительно, многими своими сторонами он к ней принадлежит, но вместе с тем по некоторым частностям его сторон и вообще по некоторым основным особенностям его необходимо поставить рядом с языками, если не тюрко-татарскими или урало-алтайскими, то по крайней мере с языками, очень близкими этим последним. Так, например, в склонении отражение в армянском языке мира внешнего, физического, пространственного происходит большею частью на татарский лад (падежи *Locativus*, *Ablativus*, *Instrumentalis*), отражение же отношений общественных

является продолжением форм ариоевропейских (Genetivus, Dativus, Accusativus). Особый, определенный суффикс множественного числа, очевидно, заимствован, если не из татарского, то во всяком случае и не из ариоевропейского источника. Потеря родовых различий и отсутствие сексуализации всего мира могут быть объяснены тоже только "чужим", не ариоевропейским влиянием. Вопрос об этническом составе армянского языка осложняется еще следующими соображениями: во-первых, исторически известно, что в армянском народе потонуло много евреев и других семитов, населявших некогда армянские города, так что мы должны принять влияние на армянский язык тоже семитических элементов; во-вторых же, не может оставаться без заметных следов на характере армянского языка совместное пребывание армян с другими кавказскими народами, прежде всего с грузинами". Один из выдающихся учеников Бодуэна, Е.Д. Поливанов, применил аналогичные соображения к проблеме происхождения японского языка [44]. Или же возьмем другой пример — неопределенную или "нечеткую" ("floating") позицию того языка, который можно было бы назвать предшественником засвидетельствованного позднее древнепрусского и незафиксированных наречий предков некоторых других западнобалтийских племен — ятвагов и голяди, о языке которых мы можем судить лишь по косвенным и фрагментарным данным гидронимии и топонимии. В данном случае некоторые ученые предполагают, что эти племена — позднее, без сомнения, балтоязычные (после конвергенции, хотя и не полного слияния с предками литовцев и латышей) — первоначально или по крайней мере в течение некоторого времени образовывали часть праславянского (или, точнее, может быть, дославянского) диалектного ареала (см. [45; 46, особенно с. 93—104 и 141—142], где отражена сходная точка зрения; дальнейшая дискуссия отражена, например, в [47, 48]). Наконец, в качестве еще одного примера можно привести высказываемое в последние годы некоторыми славистами утверждение о том, что относительно позднее формирование довольно однородного общеславянского языка-предка произошло только в процессе создания *lingua franca*, общего для различных славянских родов и племен в процессе их контактов с аварами, прежде чем последние исчезли в конце VIII в. (относительно этой необщепринятой концепции см., в частности [49—51])¹⁰.

Праиндоевропейский рассматривается не просто как один из языков-потомков в составе ностратической семьи языков, но как результат и дивергентных, и конвергентных эволюционных процессов. Комплексный же метод, известный как внешнее сравнение языков, призван установить прежде неизвестные связи и соответствия. Здесь следует отметить, что, вопреки мнению Трубецкого, я считаю, что мы действительно можем постулировать существование некогда реального, живого и.-е. праязыка. Именно благодаря комбинированию приемов компаративистики и типологии метод, использованный для предварительной реконструкции до-праязыков, таких, как праностратический, оказался эффективным. Как уже указывалось, главная задача компаративистики заключается в установлении тождеств и регулярных соответствий в плане выражения родственных языков, в то

¹⁰ Об оценке концепции относительно поздней интеграции и единого развития общеславянского см. рецензию В.М. Живова [52, с. 153—154]. Он указывает, что изоглоссные варьирования северославянского, представленные древненовгородским диалектом, (засвидетельствованным письмами и документами на бересте), могут рассматриваться как сохранение на периферии архаичных особенностей. Далее Живов подчеркивает [52, примеч. 11], что конвергентные процессы по-разному воздействуют на разные компоненты языковой структуры. Так, конвергенция стремится в первую очередь свести до минимума или элиминировать фонологические и морфологические различия, в то время как в лексике (и, я бы добавил, в синтаксисе) архаизмы и инновации прекрасно сосуществуют.

время как в центре внимания типологии находятся в первую очередь соответствия и подобия, обнаруживаемые в структуре плана содержания похожих языков, независимо от того, существует ли между ними генетическое родство или нет. Хотя постоянное взаимодействие дивергентных и конвергентных процессов должно учитываться при любого рода сопоставлении нескольких языков, тем не менее не вызывает сомнений тот факт, что компаративистика традиционно обращала особое внимание на дивергентные направления лингвистической эволюции, в то время как языковая типология сосредотачивалась в основном на конвергентных тенденциях развития языков. Ясно, что конвергенция приобретает особое значение при рассмотрении ареально близких языков. Таким образом, идентификация языковых союзов — Sprachbünde (определение которых было впервые сформулировано Трубецким) — является не чем иным, как применением этого метода. В качестве другого примера можно упомянуть, что ареальная конвергенция считалась также одним из факторов, учитывавшихся при недавних попытках доказать или опровергнуть более близкое родство — генетическое или какое-либо иное — между уральской и алтайской языковыми семьями [53]. Тем не менее следует учитывать, что степень структурного сходства, необходимая для установления вполне сформировавшихся языковых союзов (таких, как балканский), намного превосходит как в качественном, так и в количественном отношении соответствия и подобия, требуемые для постулирования макросемей, объединяющих языки, находящиеся в дальнем родстве, — например, ностратические. Кстати, именно по этой причине я оспаривал предположение Р. Якобсона о том, что два чисто фонологических критерия, характерных для большого количества языков Евразии, — просодическая монотонность и фонологическая палатализация — могут считаться достаточными для идентификации особого, хотя и экстенсивного, евразийского языкового союза. Тем не менее не приходится сомневаться в том, что теория языковых контактов, предложенная У. Вайнрайхом [54] и сейчас вновь подвергнутая рассмотрению Р. Филиповичем [55], имеет решающее значение в случае дальнего языкового родства, когда встает вопрос о том, имеем ли мы дело с общим происхождением или влиянием другого языка. В связи с недавней дискуссией об исконных vs заимствованных элементах на материале некоторых групп, входящих в ностратическую семью, см. работу М. Кайзера и В. Шеворошкина [11]. Авторы отвергают утверждение Гамкрелидзе и Иванова о пракартвельских лексических заимствованиях в праиндоевропейском, в то же время принимая гипотезу о семитских заимствованных словах в индоевропейском, выдвинутую названными авторами и Иллич-Свитычем. Они также ставят под сомнение предложенную в [33] локализацию древнейшей прародины индоевропейцев, а также их глоттальную теорию (ее выдвигал также П.Дж. Хоппер).

В заключение, если бы мне пришлось высказать мою собственную позицию в связи с по-прежнему весьма запутанной ностратической проблемой, я бы сказал, что без всяких колебаний принимаю понятие ностратической макросемьи, включающей по меньшей мере шесть языковых семей, как это предполагали Иллич-Свитыч и Долгопольский. Однако мое отношение к такой макросемье — аналогичные соображения могли бы, вероятно, быть применимы и к другим языковым группам столь же крупного масштаба в различных частях света — не могло бы быть основано исключительно на фактах генетического родства в том виде, в каком они излагались выше. Я считаю, что языковые макросемьи (подобные той, которую мы называем ностратической) должны рассматриваться как реальный результат генетических связей, в основе которых лежит дивергенция, и структурных уподоблений.

отражающих конвергентные тенденции в языковой эволюции. Таким образом — и в согласии с некоторыми из идей, сформулированных Бодуэном де Куртенэ, Поливановым и Трубецким, — я считал бы вполне реальной гипотезу о некогда действительно существовавшем ностратическом праязыке. Вероятно, этот язык характеризовался степенно внутренним единством, сравнимой с тем, что можно предположить, *mutatis mutandis*, для общепалтийского или, возможно, анатолийского в процессе их хронологического и самостоятельного развития из праиндоевропейского. И, вероятно, если основной ареал распространения ностратического праязыка действительно — как это предполагалось — следует идентифицировать с Закавказьем, восточной (и южной) Анатолией и верхним течением Тигра и Евфрата, вполне естественно было бы предположить в качестве более поздних ареалов распространения праиндоевропейцев территории, более близкие в Черному морю, — в районе Понтийских степей, в северной и западной Анатолии и в различных частях Балканского п-ова. В дальнейшем это могло бы послужить по меньшей мере отправной точкой при поиске удовлетворительного объяснения раннего расселения греков в материковой Греции и на Эгейском архипелаге; для объяснения образования вторичного — если не третичного — и.е. ареала в районе Балтийского моря; и, возможно, даже для объяснения до сих пор довольно неясных миграций кельтских племен через западную, центральную и юго-восточную Европу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kaiser M., Shevoroshkin V. Nostratic // American review of anthropology. 1988. V. 17.
2. Collinder B. Indo-Uralisch — oder gar Nostratisch? Vierzig Jahre auf rauhen Pfaden // Antiquitates Indogermanicae. Gedenkschrift für H.Güntert / Hrsg. von Mayrhofer M. et al. Innsbruck, 1974.
3. Dolgopolsky A.B. On personal pronouns in the Nostratic languages // Linguistica et philologica. Gedenkschrift für B. Collinder / Hrsg. von O. Geschwanter et al. Vienna, 1984.
4. Shevoroshkin V. Indo-European homeland and migrations // Folia linguistica historica. 1987. V. 7.
5. Mańczak W. Le problème de l'habitat des Indo-Européens // Folia linguistica historica. 1984. V. 5.
6. Schmid W.P. "Indo-European" — "Old European" (On the reexamination of two linguistic terms) // Proto-Indo-European: The archaeology of a linguistic problem. Festschrift für M. Gimbutas / Ed. by Skomai S.N., Polomé E.C. Washington, 1987.
7. Pisani V. Indogermanisch und Europa. München, 1974.
8. Renfrew C. Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins. L., 1987.
9. Bomhard A.R. Toward Proto-Nostratic: A new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic. Amsterdam; Philadelphia, 1984.
10. Dolgopolsky A.B. // BSLP. 1986. T. 81. № 2. Rec.: Bomhard A.R. Toward Proto-Nostratic.
11. Kaiser M., Shevoroshkin V. Inheritance versus borrowing in Indo-European, Kartvelian, and Semitic // JIES. 1988. V. 14.
12. Birnbaum H. Linguistic reconstruction: Its potentials and limitations in new perspective. Washington, 1977. P. 51—60.
13. Birnbaum H. On protolanguages. Diachrony, and "preprotolanguages" (Toward a typology of linguistic reconstruction) // Езиковедски проучвания в чест на акад. В.И. Георгиев. София, 1980.
14. Бирнбаум Х. О двух основных направлениях в языковом развитии // ВЯ. 1985. № 2.
15. Birnbaum H. Divergence and convergence in linguistic evolution // Papers from the 6-th International conference on historical linguistics / Ed. by Fisiak J. Amsterdam; Poznań, 1985.
16. Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
17. Birnbaum H. Problems of typological and genetic linguistics viewed in a generative framework. The Hague, 1970. P. 25—28.
18. Birnbaum H. Typology, genealogy, and linguistic universals // Acta Universitatis Carolinae. 1974. Philologica 5: Linguistica generalia.
19. Birnbaum H. Typology, genealogy, and linguistic universals // Linguistics. 1975. № 144.
20. Birnbaum H. Genetische, typologische und universale Linguistik: Einige Überlegungen über ihr hierarchisches Verhältnis // FL. 1975. V. 7.
21. Birnbaum H. Language families, linguistic types, and the position of the Rusin microlanguage within Slavic // Die Welt der Slaven. 1983. Bd 28.

22. Hjelmslev L. Language: An introduction. Madison, 1970.
23. Trubetzkoy N.S. Gedanken über das Indogermanenproblem // AL. 1939. Bd. 1. P. 82 (= Trubetzkoy N.S. Die Urheimat der Indogermanen. Darmstadt, 1968. S. 217).
24. Шмидт К.Х. Значение новых данных для реконструкции праязыка // ВЯ. 1988. № 4. С. 7—11.
25. Журавлев А.Ф. Лексикостатистическая оценка генетической близости славянских языков // ВЯ. 1988. № 4.
26. Collinder B. Das Postulat der Verständigung. Zur Kritik der Glottochronologie // Abzeiger der Phil.-Hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 1971. Bd 108.
27. Mańczak W. Praojczyzna Słowian. Wrocław, 1981.
28. Mańczak W. Origine méridionale du gothique // Diachronica. 1984. V. 1.
29. Mańczak W. Język staroprucki a praojczyzna Słowian // Acta Balto-Slavica, 1986. V. 17.
30. Mańczak W. L'habitat primitif des Goths // Folia linguistica historica. 1987. V. 7.
31. Friedrich P. Proto-Indo-European syntax: the order of meaningful elements. Butte, 1975.
32. Lehmann W.P. Proto-Indo-European syntax. Austin; London, 1974.
33. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. 1—2. Тбилиси, 1984.
34. Lehmann W.P. Linguistic and archaeological data for handbooks of Proto-languages // Proto-Indo-European: The archaeology of linguistic problem (Festschrift M. Gimbutas) / Ed. by Skomal S.N., Polomé E.C. Washington, 1987.
35. Martinet A. Des steppes aux océans. L'indo-européen et les "Indo-Européens". P., 1986.
36. Cowgill W. More evidence for Indo-Hittite: The tense-aspect systems // Proc. of the Eleventh International congress of linguists / Ed. by Heilmann L., V. 2. Bologna, 1975.
37. Jakobson R. Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics // Proc. of the Eighth International congress of linguists. Oslo, 1958.
38. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Système de langue et principes de reconstruction en linguistique // Diogenes. 1987.
39. Stang C.S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966. S. 1—21.
40. Trubetzkoy N.S. Gedanken über das Indogermanenproblem // L., 1939. V. 1. (=Die Urheimat der Indogermanen. Darmstadt, 1988).
41. Трубецкой Н.С. Избр. тр. по филологии / Под ред. Гамкрелидзе Т.В. и др. М., 1987.
42. Trubetzkoy N.S. Riposta: Il problem delle parentele tra i grandi gruppi linguistici // Atti del III Congresso Internazionale dei linguisti (Roma, 19—26 settembre 1933) / Ed. Migliorini B., Pisani V. Firenze, 1935.
43. Бодуэн де Куртене И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртене И.А. Избр. тр. по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.
44. Иванов Вяч. Вс. О становлении структурного метода в гуманитарных науках славянских стран и его развитие до 1939 г. // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 245; 258, примеч. 28—30.
45. Журавлев В.К. К проблеме балто-славянских языковых отношений // Baltistica. 1968. Т. 4. С. 173—175.
46. Горнунг Б.В. Из предистории образования общеславянского языкового единства // V Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1963.
47. Birnbaum H. O możliwości odtworzenia pierwotnego stanu języka prąsłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej / metody porównawczej (Kilka uwag o stosunku różnych podejść) // American contributions to the Seventh International congress of Slavists. V. 1: Linguistics and poetics / Ed. by Matejka L. The Hague; Paris, 1973.
48. Birnbaum H. Common Slavic: progress and problems in its reconstruction. Columbus, 1979.
49. Lunt H.G. On Common Slavic // Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku. 1984—1985. T. 27—28. S. 420.
50. Lunt H.G. Slavs, Common Slavic, and Old Church Slavonic // Litterae Slavicae medii aevii (Festschrift F.V. Mareš).
51. Lunt H.G. On the relationship of Old Church Slavonic to the written language of Early Rus' // RSLing. V. 11. P. 135, 144.
52. Живов В.М. // ВЯ. 1988. № 4. Рец.: Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977—1983 гг.) // ВЯ. 1988. № 4.
53. Sinor D. The problem of the Ural-Altaic relationship // The Uralic languages: Description, history and foreign influences / Ed. by Sinor D. Leiden, 1988.
54. Weinreich U. Languages in contact: findings and problems. N.Y., 1953.
55. Filipović R. Teorija jezika u kontaktu. Uvod u lingvistiku jezičnih dodira. Zagreb. 1986.

Перевел с английского Куликов Л.И.